ПОСТЭПИДЕМИЯ
ТОЛЬКО на ЛИТРЕС
ДВЕСТИ
ПЕРВЫЙ ШАГ
СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

Сергей Васильевич Лукьяненко

Двести первый шаг

Серия «Постэпидемия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53825125

Аннотация

Эпидемия ковид-19 серьезно и не в лучшую сторону изменила нашу жизнь. Но уже скоро она будет возвращаться в нормальное русло. Надеюсь, мы учтём уроки эпидемии и станем лучше. И очень важно для всех нас будет не зацикливаться на прошлом и не тащить его за собой в будущее. Об этом – и рассказ…

Сергей Лукьяненко
Двести первый шаг

Взрослые почему-то думают, что дети – глупые.

Когда я был маленький, то мама и папа вечно меня пугали. Например, что если я стану это делать, то у меня на ладонях бородавки вырастут. Маше из соседней квартиры родители говорили, что у неё палец застрянет и сломается. Рустему из второго подъезда дедушка рассказал, что можно ослепнуть!

Всё равно, конечно, все этим занимались. Кто ночью, под одеялом, кто запершись в ванной комнате и включив воду. Братья Бобриковы друг при друге, но они близнецы и придурки, у них всё иначе.

Ну неужели нельзя было просто сказать – «Нельзя ковырять в носу, потому что занесёшь вирус ковида на слизистые и заболеешь!» Все прекрасно всё понимают, даже в три года дети знают, как вирус выглядит и как передаётся, рисуют это на картинках, а потом их рвут на клочки.

Я тоже иногда ковыряю в носу, но только дома, после того как сорок секунд мою руки с мылом горячей водой. Я когда мою руки, пою песню: «И врагу никогда не добиться, чтоб склонилась твоя голова…»

Уже потом, чистыми руками можно и… Ну, стыдно, конечно. Десять лет, большой парень, а ковыряется в носу. Но раньше это разрешалось. Честное слово! Я нашёл одну ста-

рую книжку, там даже стих был: «Нет приятнее занятья чем в носу поковырять…» Я эту страничку вырвал тихонько и спрятал себе под матрас. А то папа всю книжку сожжёт. Он стоматолог и очень строго относится к биологической безопасности.

Или вот про дезинфекционную жидкость. Оказывается, взрослые боятся, что мы её будем пробовать. Рассказывают, что она невкусная и ядовитая, убивает не только вирус, но и людей. Как будто мы не знаем, что вечерами взрослые мешают её с водой и потом пьют, закусывая гречкой с консервами. Мама однажды заподозрила, что я это видел. И рассказала мне, что для взрослых вирус опаснее, поэтому им надо изнутри дезинфицироваться, а вот детям не обязательно.

Как будто ребёнку может в голову прийти пить такую гадость!

Мы всё понимаем, и всё про пандемию знаем. И вообще не очень-то переживаем, что нельзя отойти от дома дальше, чем на сто метров. Сто метров – это же двести шагов! Причём в каждую сторону!

Если идти направо – там магазин шаговой доступности и аптека. Это очень важные места, потому что выходить из дома можно только в ближайший магазин. Но нам нечасто перепадает туда сбегать, туда ходят папы и мамы. Это их развлечение.

Если идти прямо, то можно дойти до ограды парка и постоять, посмотреть на большие деревья и уток в пруду. По

парку бродят всякие сумасшедшие люди, которые нарушают карантин, когда они появляются – мы убегаем. Они иногда кричат вслед: «Дети! Дети, не бойтесь, идите сюда!» Некоторые машут игрушками или приносят воздушные шарики. Но мы не дураки их дожидаться, а если игрушки и шарики оставляют у ограды – мы их закидываем камнями.

Если идти назад, за дом, то там будет скучное место – какой-то старый дом, памятник архитектуры, совсем разрушенный. Людей там не бывает, и мы иногда даже забираемся в этот дом и играем в эпидемию.

А если идти налево, то там будет собачья площадка. Очень важное место! Детская площадка у нас во дворе закрыта, на ней висят пластиковые заградительные ленты, от времени они серые, их меняют только под Новый год. На детской площадке собираться нельзя, все это знают. А на собачьей – можно. Может быть потому, что собаки защищают нас от вируса, повышают иммунитет? Собаки в каждой квартире есть, это очень большая ценность. У нас тоже есть – весёлый пёс Фуфель, по метрике – Фуфломицин. Папа у него такса, а мама – дог. Я не знаю, как так могло получиться. Он большой как мама, а лапки короткие, как у папы.

Фуфель не очень любит гулять, потому что гуляет очень часто. Утром с папой, днём с мамой, вечером с мамой и папой. А всё остальное время со мной и сестрёнкой. Лапки у него быстро устают, Фуфель вздыхает, садится на попу и смотрит на нас. В глазах у Фуфеля написано: «Я всё пони-

маю, я ваш пропуск, но я устал…» Но потом он встаёт и честно идёт дальше.

Вот и сейчас я повёл его гулять. У сестрёнки ещё шли уроки, она сидела у ноутбука, подключенного проводом к интернету (к правильному, безопасному, по которому только уроки и никаких глупостей) Раньше мы подключались по какому-то вайфаю или пять Джи, но потом перестали, от этого иммунитет падает и ковидлу можно подхватить. Папа стоял позади и контролировал, чтобы учитель не говорил какой-нибудь ерунды. Учителя ведь всякие бывают! Некоторые любят посмеяться над карантином, над необходимостью самоизоляции, говорят что по всей стране дети в школы ходят, а некоторые даже над гигиеной смеются и считают, что маску можно дома не носить. Мне как-то новый учитель математики, молодой и весёлый, сказал:

– Дениска, дорогой, покажи-ка ладони!

Я показал.

– Ужас! – воскликнул учитель. – Что у тебя с ними такое? Они красные и шершавые! Все в цыпках!

Не знаю, что его удивило. У нас у всех такие руки, потому что дезинфицирующая жидкость разъедает кожу. Учитель стал меня уверять, что достаточно мыть руки с мылом и я ему почти поверил, но тут появился папа, накричал на учителя и потребовал, чтобы его заменили. На следующий онлайн-урок уже был другой, старенький и серьёзный, в перчатках и маске, как положено.

Собираясь на площадку, я надел маску (вчерашнюю, но она хорошая, её можно носить два-три дня), постиранные мамой перчатки (не напасешься же на каждый день новых) и бахилы поверх сандалет. Крикнул:

– Фуфель, гулять!

Пёс заскулил, но пришёл с поводком в зубах.

Мы вышли на площадку и тут я обнаружил, что забыл зубочистки – нажимать кнопки лифта. Возвращаться не хотелось, так что я сказал собаке:

– Никому не говори!

И нажал кнопку лифта локтем. Рубашку всё равно стирать.

На улице я увидел Машу – она как раз вышла с Арби – метисом корги и овчарки. Арбидол – очень весёлый пёс, и Фуфелю он нравится, потому что они примерно одного роста. Они понюхались, я надел собачью маску Фуфелю, а Маша – Арби.

– Как дела? – спросила Маша, пиная меня в каблук своим каблуком.

– Нормалёк! – ответил я и пнул её в ответ.

Поздоровавшись, мы неторопливо пошли к площадке. По дороге к нам присоединился Вадик. Он совсем маленький, ему шесть, в школу он не ходит, а занимается в подпольном детском саду, который открыт в квартире у тёти Вали на восьмом этаже. Родители долго сомневались, позволять ли работать на дому тёти-Валиному детскому саду, парикмахе-

ру Рубену и моему папе-стоматологу.

Но вначале у старшего по дому, дяди Саши Штейнберга, разболелся зуб, и папе пришлось удалять его пассатижами. После этого папе разрешили открыть кабинет на дому. Потом все женщины заявили, что объявляют забастовку, пока у нас не будет парикмахера. Я не знаю, что там была за забастовка, потому что точно помню – мамы с нами играли, готовили еду и убирались в квартирах. Но папы с каждым днём становились всё мрачнее и мрачнее. Потом Рубену принесли ножницы, машинки для стрижки и всё наладилось. Ну а дальше Рубен сказал, что если не появится детский сад – то забастовку объявит он. И садик тоже появился.

У Вадика очень смешной пёс, мы с Машей всегда хихикаем, когда видим его. Это китайский хохлатый мопс и описать его очень трудно, и даже немного неудобно.

Дело в том, что когда по всей Москве объявили самый строгий карантин, то наш двор оказался очень ответственным. Мы никаких правил не нарушали – так все взрослые говорят. И даже собак с воли не завозили, вдруг с ними вирус заберётся. Обошлись своими силами – у нас было двенадцать собак во дворе, все разных пород. Вот от них и пошли все наши пёсики. Китайский хохлатый кобель Амик был самым маленьким, но самым шустрым – поэтому у нас есть китайские хохлатые мопсы, корги, шарпеи и бульдоги.

– А я сегодня с бабушкой разговаривал! – похвастался Вадик. – Она в Севастополе живёт!

– Там сильная эпидемия? – спросила Маша.

– Бабушка говорит, что нет у них никакой эпидемии, – вздохнул Вадик. – Она меня в гости зовёт. Говорит, что мы купаться будем в море. Что я вырос. И плачет…

Мы все замолчали.

Бабушки – это серьёзно. Они не понимают всей опасности пандемии и вечно пытаются приехать к нам. Хотя понятно, что ради их же блага они должны сидеть дома, под замком! Некоторые бабушки и дедушки даже сходят с ума, начинают ходить со смартфонами по улицам, показывать толпы людей, гуляния, праздники. И утверждать, что вся эпидемия давно кончилась, только мы, как идиоты, сидим пять лет в доме и дальше ста метров от него не отходим. Родители потом вздыхают и объясняют нам, что люди недооценивают серьёзность происходящего. Что окружающий мир полон вирусов, и мы должны сохранять бдительность.

Мы и сохраняем.

Но бабушку я очень хочу увидеть. По-настоящему.

И ещё море.

Мне десять лет, а когда было три – мы ездили на море. Я помню! Честно, помню! Я бегал по песку, он был такой горячий, а море тоже ничего, тёплое, я с папой купался далеко-далеко от берега, и даже научился плавать…

А потом пришёл вирус. И папа говорит, что моря теперь не будет «в обозримом будущем». Я уже понимаю, что если «в обозримом будущем не будет», то это значит «никогда».

Я вздохнул и от досады сказал Вадику:

– Купался я в этом море. Ничего особенного. В ванне лучше, особенно если с гидромассажем.

Но Вадик не утешился, так и шёл, некультурно, поправляя маску руками. Даже один раз в глаза рукой полез, хорошо, что у него очки, ну, как у всех.

На собачьей площадке были все наши. Собаки быстренько сделали свои дела и улеглись в сторонке, отдыхать. А мы с ребятами встали в круг, в полутора метрах друг от друга, и стали играть в выдуманный мяч. Начинать выпало мне, я подпрыгнул и ударил по выдуманному мячу – так, чтобы тот полетел между Машей и Антоном. Те поняли, куда я мечу, Антон потянулся и отбил – он высокий. Вадик подпрыгнул, очень старательно, но мы посовещались и решили, что до мяча он не дотянулся…

Игра в выдуманный мяч очень хорошая. Поскольку мяча нет, то нет и риска заразиться. Зато хорошо развивается фантазия и глазомер.

Так мы играли целый час, пока всем не надоело. Стали играть в салки – Лена сделала вид, что хлопает Антона по плечу и завопила: «Ковидла!» Осаленный Антон стал гоняться за нами, ну, конечно, не приближаясь ближе полутора метров. Потом он загнал в угол Машу и пересадил ковидлу на неё. У Маши никак не получалось сбросить на кого-то вирус, а ведь все знают, что если проходить с ним больше трёх минут, то он в тебе поселится. И хоть это было не взаправду, но

Маша чуть не разрыдалась. Поэтому я позволил Маше себя догнать, чтобы она меня осалила.

Только Маша этого не ожидала. И налетела на меня на самом деле! Со всего размаху, и коснулась рукой!

Мы все обалдели, тут уже было не до игры. Ребята стали быстро доставать антисептики и брызгать на меня и на Машу. Игра игрой, а что, если у кого-то из нас вирус?

А я стоял и как-то даже не знал, что делать. Когда Маша меня коснулась – это было так… так странно. Меня будто током ударило. Может это и впрямь злая ковидла?

После этого игра как-то не заладилась. Мы все дружно пошли назад, мимо соседних домов, которые стоят пустые, с заколоченными дверями. Родители нам рассказывают, что там все умерли от вируса и внутри бродят зомби. Я не верю, я помню, что оттуда люди уезжали и увозили вещи. Но внутрь мы всё-таки не забираемся.

Вернувшись, я обрызгался из распылителя перед дверью квартиры, снял и выбросил перчатки и маску в контейнер для биоотходов, побрызгал на Фуфеля. Вошёл, папа в домашних полиэтиленовых перчатках хорошенько обрызгал меня, потом я разделся до трусов, пошёл в ванную, тщательно вымыл руки, намазал гелем от вирусов. Я так разволновался, что чуть было не поковырял в носу, но решил, что со слабостями надо бороться. Надел домашнюю одежду и пошёл ужинать.

Современный телевизор мы не смотрим, конечно, пото-

му что там всё врут. Людям надоело сидеть в изоляции, они вышли из квартир и теперь умирают миллионами, но это от них скрывают. Поэтому мы, как всегда, посмотрели в записи новости начала пандемии, про отважных врачей, про карантины, про суровые тяжёлые первые месяцы новой жизни. Я когда это смотрю, мне сразу становится легче. Я понимаю, как хорошо, что мы сидим дома и выполняем все правила – дальше ста метров не уходить, маски и перчатки не снимать. А вечером можно будет почитать книжку или посмотреть кино про старую жизнь, где все трогают друг друга за руки, а взрослые дяди и тёти даже целуются в губы (мама в таких местах мне закрывает глаза, но пару раз я подсмотрел). Ужас! Как они вообще выживали-то?

В общем, мы поели риса с рыбными консервами, который всем школьникам привозят каждую неделю от мэрии, и попили горячего чая с имбирем, куркумой и чесноком, у которых есть сильная, хотя и недоказанная наукой, противовирусная активность. А потом папа, видимо заметив, что я немножко загрустил, подмигнул мне и весело спросил:

– Сын, а не хочешь ли ты сам выбросить мусор?

– Сам? – удивился я.

– Да, – кивнул папа. – Ты уже большой.

Мусорные баки у нас на самой границе разрешенной зоны, до них двести шагов. Я туда ходил, но только с папой.

– Конечно, – сказал я. – Да о чём разговор! Вы пока кино выбирайте, которое посмотрим, а я быстренько!

Вначале я оформил на смартфоне временный пропуск во двор, для выноса мусора. Это не совсем обязательно, но я всегда соблюдаю правила. Потом стал одеваться в чистую наружную одежду. Фуфель посмотрел на меня с ужасом, и я его успокоил:

– Сиди уж, лентяй, я сам!

– Маску надень новую, помойка – рассадник бактерий и вирусов! – сказала мама тревожно.

Я надел новую маску, и новые перчатки. Когда собрался – папа торжественно вручил мне два пакета, один с обычным мусором, а другой с биологически подозрительным. Самый опасный, с выброшенными масками и перчатками, я взял уже за дверью.

В подъезде было тихо. Гавкали внизу Азитра и Амикса, смешные собачки старой тётушки Газель Эфритовны. Зубочистку я не забыл, правильно нажал кнопки лифта и через минуту уже шагал через двор. К ночи, конечно, все попрятались по квартирам. Вирусу всё равно, ночь на дворе или день, но в темноте можно случайно до чего-то дотронуться.

Я быстро дошёл до помойки и ловко раскидал пакеты по мусорным бакам. Сразу за контейнерами была проведена черта – на земле её выложили камнями, на асфальте нарисовали красной краской. Сто метров, двести шагов! Дальше – опасная зона! Здесь горел фонарь на столбе, раскачивался над головой от ветра, и потому всюду метались тени, некоторые казались круглыми и с рожками, как вирус. Жуткое

место!

– Дениска! – вдруг донеслось до меня. Из-за черты донеслось!

Я так испугался, что на миг подумал, будто меня окликнула сама ковидла. Конечно, такого быть не может никак, но что, если заражённые люди и впрямь превращаются в зомби?

– Не подходите ко мне! – выкрикнул я. И на всякий случай добавил ту фразу, которой нас с детства всех учили, чтобы отбиваться от злодеев: – Я заразный, я чихну на вас!

– Дениска, ты не заразный… – сказали мне с грустью в голосе. И из-за мусорных баков вышла бабушка!

Ужас какой!

Я её сразу узнал, хотя родители не разрешают нам часто разговаривать, так как бабушка говорит всякую ерунду. Бабушка была без маски, без перчаток, в обычной одежде!

– Бабушка, ты умерла? – спросил я. – И превратилась в зомби? Ты от этого плачешь?

Бабушка вытерла глаза (голой рукой!) и посмотрела на меня. Но за черту не заходила, как в фильме про призраков.

– Дениска… Нет никакого вируса. Уже четыре с лишним года как нет. Победили его. Вакцину придумали, лечение подобрали. Редко-редко кто сейчас заболеет, а если и заболеет – то не умирает. Всё это позади.

Я замотал головой. Взрослые и впрямь считают детей дураками!

– Ты больная, это в тебе вирус говорит! – сказал я. – Мама

и папа предупреждали. У нас в доме все знают, что ковидлу не победить, она навсегда!

– У вас в доме все друг друга пугают, – сказала бабушка с грустью. – Так получилось, люди вначале и впрямь очень боялись. И некоторые, те, кто сильнее всего боялись, не сумели поверить, что болезнь победили. Такие люди селятся отдельно и живут, по старым правилам и законам, по интернету работают, никого к себе не впускают… Много ещё таких домов осталось, никак не получается их переубедить.

Она вздохнула, прижимая к животу сумочку.

– У меня тут фотки есть, видео… – сказала она безнадежно. – Можешь посмотреть. Сейчас, достану проектор…

Она достала какую-то маленькую коробочку, нажала кнопку – и в воздухе появилось изображение: красивый старинный город на берегу реки, люди на улицах, машины, мелькающие над домами посыльные квадрокоптеры. Я такие только в кино фантастическом видел, у нас если что-то снаружи приносят – то это делают героические посыльные, в масках и костюмах химзащиты. А потом пролетел здоровенный коптер, и у него были кресла, как у машины и в них сидели люди!

– Когда все боялись эпидемии, – сказала бабушка, – то старались меньше ходить в магазины. И построили целые заводы с посыльными дронами. А потом они стали не очень нужны, и начали делать летающие машины. Видишь, какие красивые? Хочешь на таком покататься? А в городе Саров

строят целый завод роботов на ядерных батарейках, чтобы те делали за людей опасную работу. Вовсе не обязательно сидеть дома, правда!

– Это всё обман, я знаю, – твёрдо ответил я. – Там, снаружи, сплошной кошмар. Все по домам сидят, кто ещё не умер, а на улицах никого нет, кроме безумцев!

Бабушка выключила свой «проектор» и сказала:

– Дома вокруг вас пустые, потому что ваши родители грозятся свой дом взорвать, если кто-то к вам ворвётся. Потому вас и не трогают, и соседей отселили. Ждут, пока сами выйдете, – бабушка открыла сумочку. – Денис, ты помнишь, я тебе пирожки пекла? С морковкой? Они тебе очень нравились. Я напекла, принесла…

Кажется, я помнил. У меня даже слюнки потекли.

– Поехали со мной, внучек, – сказала бабушка. – В Кострому. Всего сорок минут-то ехать, на поезде с магнитной подвеской. Ты не представляешь, какой город у нас стал красивый, когда вирус победили. Как всё изменилось, как люди жить по-новому начали, бояться и ругаться перестали, всю жизнь переделали…

– Бабушка, мне нельзя, – прошептал я. И почему-то добавил: – Я плохой. Я в носу иногда ковыряюсь.

Бабушка заплакала – вот как я её расстроил…

– Бабуль, – сказал я. – Лучше ты к нам иди! Мы тебя посадим на карантин в подвал. К нам иногда приходят люди, мы их сажаем на передержку. А через месяц к себе заберём.

Будешь спать в коридоре, на ящиках с консервами, я сам там люблю спать. Мама такую вкусную кашу из гречки варит…

Бабушка зарыдала ещё громче. Прошептала:

– Дедушка так переживает… Ночами не спит, за сердце держится, мается, мечтает тебя увидеть.

Меня сразу в жар бросило.

– За сердце держится? Мается? А ты с ним давно контактировала?

– Да у него бессонница, а не вирус! – бабушка топнула ногой. – А ну прекращай вести себя как сопливая тряпка, Денис Алексеевич! Быстро марш ко мне! Может хоть это заставит твоих родителей опомниться!

И был у неё в словах такой напор, что я сделал один шаг к черте, другой… И занёс ногу, чтобы сделать последний. Двести первый. За которым ужас и вирус!

Но тут меня окликнул папа.

– Денис. Немедленно назад.

Я опомнился и отскочил от бабушки, уже протягивающей ко мне дрожащие руки.

– Мария Даниловна, как же вам не стыдно! – с болью в голосе сказал отец. И даже взял меня за плечо, что было совсем уж немыслимо. – Вы не оставляете своих попыток! Вы пытались родную дочь выманить из безопасного места. Теперь – внука. Что, дальше и за внучку возьметесь?

Бабушка перестала плакать и сутулиться. Выпрямилась и гневно посмотрела на папу. Сказала:

– В кого ты превратился? Верно говорят, самый страшный вирус – он в голове. Вся страна давно справилась с опасностью и идёт в будущее. А вы – в прошлом застряли!

– Оставьте ваши тщетные попытки заразить нас! – отпарировал папа. Развернул меня, и мы пошли назад, во двор, в безопасное место. Меня стало потряхивать от пережитого волнения. А может быть, это вирус и озноб?

– Папа, прости, я чуть к ней не вышел… – прошептал я.

– Я был рядом, сынок, – ответил папа ласково. – Не бойся. Ты молодец, ты вёл себя как настоящий мужчина. Ты не поверил этим фальшивым рассказам про безопасный мир, про все эти поезда на магнитной подушке, роботов, летающие машины… – папа вздохнул и с горечью добавил, – про нанороботов, которые любой больной зуб изнутри лечат. Да-да, меня она тоже пыталась обмануть, бедная старая женщина, живущая в своём выдуманном мире…

Папа всё правильно говорил, он не мог ошибаться, он же папа. Но меня терзали сомнения. Если бабушка сошла с ума и обманывает, то как же она смогла приехать в Москву? И почему она совсем не выглядит больной? И откуда вообще берутся продукты в магазине, и зачем нам врут учителя?

– Пап, она точно обманывает? – спросил я.

Папа долго молчал. Потом сказал:

– Понимаю, Денис. У меня тоже бывают минуты сомнений. Мы-то с мамой смотрим весь интернет, не только учебные сайты, там разное пишут… Но! Ты сам подумай, если

бабушка права – то мы все пять лет попусту боимся выйти из дома, хотя опасности нет. А если она есть, а? Разве нам тут плохо живётся? У тебя есть друзья, собака. Ну что там хорошего снаружи, чего у нас нет?

Я много чего мог назвать, хотя бы море или речку. Но разве можно спорить с папой, который так обо мне беспокоится?

– Конечно, – сказал я. – Бабушка просто старенькая и ничего уже не понимает. А я от неё не заразился?

– Нет, у тебя хорошая маска и перчатки, и ты не нарушил дистанцию, – успокоил меня папа. – Всё хорошо. Сейчас выпьем ударную дозу витамина С, обольёмся дезинфицирующей жидкостью и сядем смотреть кино. А маме ничего не станем говорить, верно? А то она расстроится.

– Не станем, – согласился я. И подумал, что папа, наверное, всё слышал, что я говорил. – Папа… насчет того, что я бабуле сказал…

– Всё хорошо. Все мальчики ковыряются в носу. Главное – тщательно мыть руки.

Он вздохнул. И предложил:

– Хочешь сам выбрать кино на вечер? Можем посмотреть «Эпидемию», или «Заражение» или «Вонгозеро»…

– А давай что-нибудь повеселее? – предложил я. – «Двенадцать обезьян»?

– Что ж, прекрасный выбор! – согласился папа.

И мы пошли домой, совсем рядом, и я понял, что больше

не боюсь вируса, мы от него спрятались. Наверное – я вырос.